

18+

Александр Теущаков

ОТЧАЯННЫЙ ПОБЕГ

Трагическая повесть

Александр Теущаков

**Отчаянный побег.
Трагическая повесть**

«Издательские решения»

Теущаков А. А.

Отчаянный побег. Трагическая повесть / А. А. Теущаков —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852828-6

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. События происходили в одной из сибирских зон
строгого режима. Парень, заключенный в колонию для отбытия наказания,
узнав о трагичной смерти своей матери, добивался разрешения, чтобы его
отпустили на ее похороны. Руководство колонии отказало в его просьбе.
Отчаявшись, парень решил бежать. Ночью он пересек запретные полосы и
оказался на воле. Часовой, согласно устава, выпустил в убегающего арестанта
очередь из автомата. Парень погиб нескольких метрах от забора, так и не
достигнув своей цели.

ISBN 978-5-44-852828-6

© Теущаков А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Трагическое известие	6
Глава 2 Жизненные перипетии	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Отчаянный побег

Трагическая повесть

Александр Александрович Теущаков

© Александр Александрович Теущаков, 2017

ISBN 978-5-4485-2828-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Любимым матерям посвящается.

Глава 1 Трагическое известие

Шел 1978 год. Колония для заключенных, в которой разыгралась трагедия, располагалась на левом берегу Оби в городе Новосибирске. Заключенных в данном лагере содержали в строгой изоляции, а по-иному говоря, в нем отбывали срок люди, судимые неоднократно за преступления.

К осужденным, попавшим за решетку, применяли различные режимы содержания: общий, усиленный, строгий, особый и тюремный. Зона, как называли ее заключенные – «Пятерка», располагалась в окружении жилых домов. С одной стороны, находился частный сектор, а с другой, построенные совсем недавно пятиэтажные дома. Многоквартирные здания располагались недалеко от внешнего забора, и на прилегающей территории иногда случались разные происшествия. К невысокому забору, огораживающему зону, подходили молодые парни и производили «перекид» в основном состоящий из пакетов плотно спрессованных плит чая и спиртных напитков, залитых в металлические фляжки. С территории колонии заключенные выбрасывали деньги или разные безделушки, изготовленные умельцами, например: ножи с красивыми наборными ручками или эбонитовые курительные трубки и мундштуки с портсигарами. Пакеты, брошенные через забор, иногда долетали до стен жилых домов и могли спокойно угодить в голову какому-нибудь прохожему или играющего во дворе ребенку.

По разным причинам, а именно чтобы исключить проникновение в зону запрещенной водки, считающейся бесспорным стимулом для совершения преступлений, по периметру запретной полосы поднималась тревога. Как только возле забора со стороны свободы появлялась группа парней, часовой на угловой вышке сообщал по телефону начальнику караула о готовящемся «перекиде». Из казармы, расположенной недалеко от колонии, спешно выбегали солдаты внутренних войск и мчались к месту переброса.

Колония была разделена на две зоны: жилую, состоящую из шести двухэтажных зданий и двух деревянных бараков и производственную: с цехами, участками и административными зданиями.

В связи нарастающими недовольствами осужденных, возмущенными плохой едой и высокими нормами на производстве, по настоянию политотдела, руководством ИТУ¹ было принято решение – во всех колониях области навести порядок. В первую очередь это касалось отрицательно настроенных осужденных, за которых взялись оперативные и режимные части. Именно в этот год в пятой колонии произошли тревожные перемены: режим содержания заключенным заметно усилили. Плиточный чай, поступающий со свободы, теперь был строго запрещен, и потому цена на него поднялась в несколько раз. Чай для заключенных был разменной монетой, на него можно было «купить» многое: получить внеочередное свидание с родственниками через завхоза², обменять на хорошую одежду, даже нанять исполнителя, оплатив преступление. Если до усиления режима разрешалась игра на гитаре в спальной секции, то теперь музыканту позволялось собирать людей только в красном уголке под присмотром завхоза или начальника отряда. По периметру зоны, с внешней стороны возвели высокий четырехметровый забор с натянутой поверху металлической сеткой. От такой меры в большей степени страдали «перекидчики». Они не могли, как бывало раньше, переговариваться с людьми за забором и с легкостью бросать запрещенные предметы.

В лагере разгуливали толпы активистов, которым администрация позволила следить за порядком. Ходить поодиночке они боялись, была вероятность получить чем-нибудь тяжелым по голове или нарваться на дерзкого зэка с заточкой в руке. Не желающих подчиниться

¹ ИТУ – Исправительно-трудовое учреждение

² Завхоз – заведующий хозяйством, помощник администрации

новому порядку ждало водворение в ШИЗО³, а при неоднократном нарушении режима, «спускали в трюм» – БУР⁴. Самых рьяных, отрицающих правила, судили и отправляли в тюрьмы закрытого типа. Кто не хотел мириться с внутренним распорядком, брались за ножи и нападали на завхозов и активистов. Кое-кого из отрицающих, администрация специально провоцировала на серьезное преступление. Через подставное лицо, смутьяну передавали водку и после принятия, он смело кидался с ножом на активиста. Такие тайные мероприятия были редкостью, но заканчивались они смертью помощника администрации. После кровавого инцидента, против бунтаря возбуждали уголовное дело, и довольно часто суд приговаривал его к высшей мере наказания – расстрелу.

Режим быстро затягивал жесткую петлю вокруг горла заключенных. Никто не мог предположить, что произойдет в зоне на следующий день: то ли администрация еще сильнее затянет гайки, то ли какой-нибудь обозленный зек совершит самосуд над активистом. Но со временем серьезные эксцессы между администрацией колонии и заключенными поутихли и вошли в разряд мелких нарушений режима содержания.

Однажды, вопреки устоявшемуся порядку, зону взволновало событие и произошло оно по вине начальства, категорически не желавшего пойти навстречу молодому парню-заключенному, попросившего отпустить его на похороны своей матери. Все началось с ночного побега...

Стоял май. Закончился длинный трудовой день. Заключенные отдыхали в спальнях секциях. После полуночи и съема с работы второй смены, прошло три часа. Ночной дежурный прикорнул у тумбочки. Сквозь дремоту, заслышав множественные шаги, он вскочил со стула и спросонок опешил, увидев офицеров и прапорщиков во главе с ДПНК⁵. Громко стуча сапогами, они поднимались на второй этаж и вошли в просторный холл, по сторонам которого располагалось четыре входа в спальные секции. Разделившись, работники надзорной службы разошлись по секциям.

Включился общий свет. В тишине громко прозвучала команда:

– Отряд подъём!

Не все вскочили со своих спальных мест, кое-кто продолжал крепко спать. Раздался зычный голос прапорщика:

– Всем осужденным без исключения выходить строиться на центральный плац.

– Командир, а что в натуре случилось, что за шухер такой? Блин спать не дают, – прозвучал недовольный, заспанный голос Генки Орлова.

В центральном проходе между рядами двухрусных кроватей показались сотрудники, одетые в форму цвета хаки. ДПНК вышел вперед и строго приказал:

– Всем одеться и бегом на построение. Вам что, неясно было сказано? А слишком разговорчивых и недовольных, я определю в ШИЗО, суток на пять.

Заключенные стали быстро одеваться и, косо поглядывая на возмутителей спокойствия, с неохотой побрели на улицу.

Ворота в локальные зоны⁶, где располагались здания и бараки, были широко открыты и отовсюду, заспанные, недовольные, растревоженные командами офицеров, группы людей устремились на центральный плац.

– Слышь, мужики, по ходу кто-то с зоны свалил или кого-то заколбасили, – догадался Карпов и, закулив, продолжил, – ночью такую проверку устраивают, когда кого-то ищут. Промарьяжат твари позорные чуть ли не до утра, а потом шмон наведут в обеих зонах.

³ ШИЗО – Штрафной изолятор

⁴ БУР – Барак усиленного режима

⁵ ДПНК – Дежурный помощник начальника колонии

⁶ Локалка – огражденная территория отряда.

Все осужденные колонии прошли на центральный плац и, разделившись по отрядам, собрались в отведенных местах. Подходили сержанты, прапорщики с надзорной службы и с завхозами-зэками проводили переключку по карточкам.

– Орлов, – прозвучала фамилия.

– Я. – Ответил Генка.

– Не я, а имя-отчество.

– Геннадий Семенович.

– Волков...

– Владимир Васильевич.

Так продолжалось, пока не прошла проверка и прапорщики подошли к дежурному майору Рубану для сверки данных. Выслушав, ДПНК поднялся на металлический мостик возле столовой и отдал приказ, чтобы до особого распоряжения никому из заключенных, в том числе надзорной службе, не расходиться.

Юрка Устюжанин подошел к прапорщику и миролюбиво спросил:

– Старшой, что случилось, почему ночью проверку устроили?

– Мы сами не знаем, ДПНК объявил общее построение осужденных, вот и стоим. Ждите, объявят.

Вдруг со стороны надзорной службы показались два офицера, сопровождаемые группой активистов. Впереди всех, словно глыба, широко шагая, спешил заместитель командира роты капитан Бражников, метко прозванный заключенными – «Шифоньером». Чуть отстав, шел майор режимной службы – Сомов. Они подошли к ДПНК Рубану и, что-то сказали ему на ухо. Он отдал распоряжение и стоявшие рядом прапорщики, согласно кивнув, пошли на площадку, где располагался седьмой отряд.

– Завхоз, позови Волкова, – потребовал прапорщик.

– Волчонок, иди сюда, тебя командир спрашивает – позвал завхоз.

– Что надо, старшой? – спросил осужденный Волков.

– Рубан тебя зовет, – и тихо, чтобы никто не услышал, добавил, – тебя сейчас в штаб поведут. «Цезарь» приехал.

Цезарем называли майора, начальника оперчасти колонии.

– Кузьма, – по-свойски обратился к прапорщику Волков, – что за понты, ты случаем не в курсе, почему нас собрали?

– Побег – прошептал прапорщик, – Волчонок, я тебе ничего не говорил.

Волкова увели в промышленную зону, где напротив надзорслужбы в трехэтажном здании располагался административный штаб и заводоуправление.

Осужденные стояли, курили, переговаривались, ежась от ночной прохлады. Только по истечении часа была дана команда, разойтись по корпусам и спать.

– Ну, заразы, – просипел Вася Хрипатый, – ни тебе извините, ни тебе прощай, да что хоть случилось? – обратился он к старшему лейтенанту, стоявшему недалеко. Тот пожал плечами и, молча пошел к вахте.

Рано утром Юрка Устюжанин разбудил Орлова и с тревогой в голосе сказал:

– Слышь, Ген, Серегу Соловья хлопнули.

– Да ладно, что гонишь-то, – но увидев беспокойство в его глазах, засыпал вопросами, – что в натуре, кто, когда?

– Да я тебе говорю, сам слышал от отрядного⁷. Серега ночью пошел на рывок, запретку и все полосы прошел. Знаешь в промке⁸ напротив столярки, на углу забора, где мы всегда пере-

⁷ Отрядный – начальник отряда, офицер.

⁸ Промка – производственная зона.

киды принимаем – пытался он объяснить полусонному Орлову, – короче, за забором, около кленового садика, вышкарь⁹ завалил его.

– Наглушняк? – встревожился Генка.

– Ну да, говорят, между лопаток две пули всадил, вертухай облезлый, – со злобой сквозь зубы процедил Устюжанин.

– У-у! – Зарычал Генка Орлов, – вот гаденыш! Такого пацана положил. Он только-только со своей девчонкой на свиданке побывал. Е-моё, как жаль. Классный был парняга, кремень.

Орлов сел на кровать и отрыв дверцу тумбочки, приподнял торцевую планку. Выудив изнутри дверцы пакетик с запрещенным плиточным чаем, протянул своему семьянину Васе Хрипатому.

– Васек, сваргань чифирку, а то я еще не проснулся. Надо Серого помянуть.

Вася Хрипатый, взяв эмалированную литровую кружку, направился в холл, чтобы сварить на плите крепкий чай.

– Пойдем к Волчонку, – предложил Карпов, – все-таки они с Соловьем одну пайку делили, поддержать мужика надо.

– Хрипатый, – окрикнул Орлов своего семьянина, – сваришь чифирь, подтягивайся к Волчонку в проход, там помянем.

Небольшой компанией бригадники двинулись в соседнюю секцию к Волкову. В узком проходе между кроватями, где раньше спал Сергей Соловьев, собрались мужики с обеих бригад. Пришлось потесниться. На каждой из двух кроватей разместилось по четыре человека, а остальные стояли или присели на корточки.

Подошел Вася Хрипатый и, поставив кружку на тумбочку, прикрыл ее книгой, чтобы чай как следует, запарился. Молчание нависло над проходом. На крепко сжатых скулах, выступили желваки. Суровые взгляды излучали негодование.

Сергей Соловьев для каждого из присутствующих запомнился хорошим человеком. Он всегда мог поддержать любой разговор. Веселый, компанейский, в меру разговорчивый и справедливый. Если дело касалось ссоры между мужиками, грамотно разводил их в стороны. Одним словом, такой человек был в хороших отношениях со многими заключенными. Правда, последние полмесяца его словно подменили: стал угрюмым, на вопросы старался не отвечать, почти ни с кем, кроме Волкова, не общался. Такое поведение Соловьева, показалось всем, кто его знал, странным.

Налив в две маленькие кружки чифирь, Хрипатый направил их по кругу. Молча помянули.

Первым нарушил молчание Волков.

– Пусть земля ему будет пухом. Короче мужики, сегодня ночью, Серега пошел на рывок. Там – на свободе, в пятнадцати метрах от забора его Молчан завалил.

Молчаном они называли сержанта, солдата ВВ, охранявшего зону.

– Так это он на вышке стоял! – возмутился Юрка Устюжанин.

– Нет, в карауле был другой, а Молчан с КПП¹⁰ прибежал, когда сигнализация сработала.

– Вот гнида, он же в летящую плитку чая с двадцати метров попадает из калаша, а тут Серегу за милую душу ухлопал. Его бы козла, самого вальнуть не мешало, – гневно высказался Генка Орлов, – Волоха, что теперь будет, – обратился он к Волкову.

– Премию петуху дадут, за то, что он Соловья уколошил, – съязвил Карпов, – за поимку побегушника им десятидневный отпуск полагается.

– Карпенюк, у Молчана дембель осенью, на кой ему отпуск сдался, – одернул его Волков, – я обо всем знаю не больше вашего, но Цезарь сказал, что будь Соловей жив, ему бы

⁹ Вышкарь – часовый.

¹⁰ КПП – Контрольно-пропускной пункт

за побег срок накрутили. А так, вроде прокуратура заставляет управу уголовное дело завести, ведь человек погиб. Серегин труп спишут, как и всех других погибших эков. Правды у ментов нет и, не будет.

О сержанте Молчанове, заключенные упомянули не зря, этот солдат не выходил из головы у многих перекидчиков, когда они принимали «грев¹¹» со свободы. Он дослуживал второй год и осенью собирался на дембель. По боевой и физической подготовке, Молчанов у командиров был на хорошем счету. Особенно он прославился своей меткой стрельбой из автомата. Во время службы приключился с ним интересный случай. Дело было днем, стоял он на посту, на угловой вышке. Со стороны свободы подъехала легковая машина, из которой вылезли парни со свертками в руках. Подойдя ближе к забору, один из них решил уговорить солдата:

– Слышь, старшой, будь человеком, пропусти грев, у нас только чай.

Молчанов, соблюдая устав, не стал разговаривать с перекидчиками, но для остротки снял с плеча ремень автомата.

– Ну, что ты в натуре, как неродной, у нас нет водяры, – уговаривали они развязанной речью. И вдруг со стороны зоны прозвучал свист. Двое парней отступили на несколько шагов и, размахнувшись, бросили свертки. Молчанов мгновенно снял автомат с предохранителя и навскидку произвел два выстрела. Не долетев до дальнего забора, пакеты, рассыпавшись на мелкие кусочки, упали в запретную зону. Другой парень бросил еще один пакет, но и его ждала та же участь. Парни, повертев указательным пальцем у виска, с недоуменными физиономиями сели в машину и быстро уехали. Заслышав выстрелы, с центрального КПП уже бежали офицеры и солдаты охранного гарнизона.

Потом командиру пришлось отстаивать выходку Молчанова-стрелка перед начальством, но в конечном результате решили не наказывать. Зато заключенные получили наглядный урок. Слух о метком стрелке быстро облетел зону и если эки принимали перекид, то на резкий оклик часового реагировали по-разному: кто убегал от греха подальше, а кто просто игнорировал угрозу, ведь в заключенного часовой стрелять не станет.

Продолжая обсуждение, Юрка Устюжанин спросил

– А что Соловей рванул-то?

Волков тяжело вздохнул и, прикурив от спички папиросу, ответил:

– Теперь это, никакая не тайна. У Соловья на воле жуткое горе в семье приключилось. Серегин отец пил по-черному и потому с женой были постоянные напряжения, как напивался, начинал бешеной ревностью страдать. Две недели назад, в воскресенье, на общую свиданку со своим братом, приехал Серегин земляк. После свиданки подозвал к забору Соловья и перекинул ему маляву. В ней подробно описал, как отец Соловья, напившись до безрассудства, топором раскроил череп жене и, завернув ее в ковер, вытащил из дома в огород. Облил бензином и поджег. Вернулся в дом и спавшего на диване мужика, с которым пил... Короче, завалил наглухо и сам в дверном проходе повесился. Вот такая жуткая история, братва.

Тишина нависла над проходом. Собравшиеся мужики ошалели от услышанного. Отсидевшие не один срок и повидавшие на своем веку всякого... Даже они – прожженные во всех отношениях урки, были ошарашены такой новостью.

– Обалдеть, ни фиги себе, коленкор! – произнес тронутый до глубины души Генка Орлов, – то-то я заметил, что Серега в последнее время сам не свой ходит.

– Ходил, – поправил его Волков, – говорил я с Сергеем, успокаивал, как мог, просил крепиться. Соловей, после того, как узнал о трагедии, сначала написал жалобу хозяину зоны, почему вовремя не сообщили о смерти родителей. Его Цезарь к себе вызывал и сказал, мол, нас самих вовремя не уведомили о случившемся. Тогда Соловей подал заявление в спецчасть,

¹¹ Грев – помощь

чтобы его отпустили попрощаться с покойными, но менты заартачились. Сказали, что родителей уже похоронили. Цезарь-гад Соловья провоцировал и специально доводил до белого каления, чтобы он взбесился и наорал на него. Хотел его в изолятор закрыть, чтобы чего не натворил. Серега молчал, как сломанный телевизор и терпел кумовские выходки, но пообещал ему, что ничего не натворит. Цезарь пожалел Серегу, хотя боялся выпускать его в зону и заставил написать объяснительную, что Соловей будет паинькой. Только после этого отстал. А в прошлую субботу Ленка, девушка Соловья, выбила разрешение у замполита на общее свидание и Серега поговорил с ней по телефону. Плакала, просила, умоляла, чтобы Серый терпел и ничего не натворил, ведь ему еще трешку оставалось мотать. Он любил ее и пообещал, что все будет нормально. Что ей оставалось, она верила и успокаивала, что в зоне, среди людей ему будет легче перенести боль. Мне Серега потом все рассказал. Вчера ночью, после того как поднялся кипишь, Цезарь вцепился в меня мертвой хваткой, – продолжал Волков, – может Серега говорил мне о своих планах, о предполагаемом побеге. А я куму ответил, с какого, мол, перепугу Соловей должен был говорить мне о побеге. Ему горем совсем крышу снесло, он не понимал, что творил. А напоследок я куму прямо резанул, случись у меня такая беда, я бы сам сдернул и никого о помощи не просил. Цезарь еще немного помарьяжил меня и отпустил.

Волков закончил свой рассказ. Наверно в тот момент у некоторых зэков в голове крутился вопрос: «А на самом деле, Соловей просил Волчонка помочь? Ведь одному, без подготовки рвануть за забор тяжело». Но даже у самого глупого из всех заключенных – Горохова, не возникло желания спросить Волкова, был ли он подельником Соловьева в деле побега.

Многие в колонии знали Волкова, он был семьянином Сергея Соловьева, а по-иному сказать, они ломали одну пайку хлеба. Человек он в «Пятой» зоне авторитетный, на строгий режим был переведен с «Убинки», с лагеря, где содержат особо опасных рецидивистов. Волкова уважали, но кое-кто из заключенных побаивался. Это сейчас он с бригадниками сидит и чаем Сергея поминает, да на равных разговаривает, а на самом деле Волков вел непростую жизнь. Не многие знали, что он входил в круг привилегированных людей. Ходил себе на работу со всеми, закрывался в отдельном кильдyme и никого, кроме Сергея, туда не запускал. Мужики и парни иногда приходили к нему в отряд со всей зоны и обращались за помощью. Благодаря природному уму и умению по существу разобраться в конфликтной ситуации, Волкову удавалось мирным путем развести спорящих зэков. Сергей Соловьев был всегда для него опорой.

Глава 2 Жизненные перипетии

Да, действительно, Волков знал многое. В тот день, когда Сергей получил записку со свободы и узнал о смерти своих родителей, вернулся в спальную секцию только вечером. Волков по его виду сразу догадался, что-то случилось. Разогрев чай в алюминиевой бадье и, перелив его в маленькую кружку, протянул Сергею.

– Рассказывай, что стряслось?

Сергей от чая отказался и замотал головой, не зная с чего начать. Волков дотронулся до его руки и спокойно спросил:

– Рамсы с ментами или с баллонами¹²? Не переживай, все разрулим. – он по-дружески похлопал ладонью по Серегиной коленке. Соловьев тяжело вздохнул, затем закурив очередную сигарету, со скорбью в голосе, тихо ответил:

– Нет, Волоха, это дело ты не разрулишь.

Волков изумился, когда увидел на глазах друга навернувшиеся слезы. Сергей резко упал на кровать и уткнулся лицом в подушку. При каждом судорожном вздохе, его плечи подрагивали. Ни разу за те четыре года, которые они провели в колонии, в одной семье, Волков не замечал, чтобы его друг давал волю душевным переживаниям, да еще со слезами. Он был старше Соловьева на двадцать четыре года, в этом году ему исполнилось сорок семь лет. Присев на кровать рядом, Волков по-отцовски положил руку на плечо парню. Вопросов пока не задавал, ждал, когда он успокоится. Сергей выпрямился, стыдливо утер слезы и, зажав виски ладонями, тихо произнес:

– Разговор есть серьезный, но не здесь...

– Понял, – ответил Волков и, выйдя в главный проход, крикнул дежурившему шнырю¹³, чтобы позвал завхоза. Волков не обходил вниманием дневального и порой угощал его заваркой чая, потому тот беспрекословно выполнил просьбу за две минуты. Договорившись с завхозом, друзья направились в его каптерку и за собой закрыли дверь на замок. Сергей достал из кармана брюк записку и протянул Волкову.

– Читай.

Дочитав до конца, Волков бросил тревожный взгляд на друга и, осознавая безысходность ситуации, в какой оказался Сергей, спросил:

– Кто-нибудь может подтвердить смерть твоих родных?

– Я доверяю своему земляку, он не будет врать.

– Тогда почему зоновские менты не сообщили тебе о смерти? Может, это ошибка...

– Ошибка?! Чья? Кому это надо? – перебил его Соловьев, категорически протестуя.

– Серега, успокойся. Сейчас что-нибудь придумаем. В общем так, мне нужны фамилии твоих родителей и адрес, где они прописаны.

– Зачем?

– Сейчас отправим в промзону твоего земляка – Карпуху, он свяжется по телефону с нужными людьми и через ментовский райотдел попробует что-нибудь выяснить.

У Волкова остались хорошие связи на воле и добыть информацию о трагедии, если она на самом деле имела место, было вопросом нескольких часов. Но, так как наступил поздний вечер, друзьям придется ждать завтрашнего дня. Экстренные звонки от имени Волкова, всегда делал заключенный, числящийся дневальным у начальника колонии. Зайти с уборкой кабинет или втайне открыть замок запасным ключом и позвонить, было для него проще простого. Но,

¹² Баллон – на жаргоне, ярый помощник администрации лагеря.

¹³ Шнырь – дневальный

звонить приходилось только в дневное время, потому что вечером телефонный разговор могли прослушать на коммутаторе.

– Серый, возьми себя в руки, – попросил Волков, видя, как он нервничает, – узнаем на «верочку¹⁴», тогда будем что-то думать, а так может и «крыша» поехать.

– Волоха, что тут думать, я нутром чую, беда случилась. Как представлю себе, меня колотить начинает.

– Ладно, пойдем, прогуляемся на улицу, немного мозги проветрим, а завтра все будет ясно, – предложил Волков.

Вскоре прозвучала команда «отбой» и бригадники улеглись спать. Прошло два часа, но друзьям было не до сна. Волкову хотелось подбодрить Сергея, как-то отвлечь, но наблюдая сквозь тусклый свет ночника за его мрачным лицом, он тяжело вздыхал. Не хотелось верить, что это правда, оставалась маленькая надежда, что завтра со свободы скажут – это ошибка и Сереговы родители живы и здоровы.

Вдруг дверь в бригадную секцию приоткрылась, и кто-то поманил Волкова рукой. Он моментально подскочил с постели и движением руки приостановил Сергея, чтобы он оставался на месте. Через две минуты Волков махнул Соловьеву рукой, и они тихо прошли в каморку завхоза.

Самого завхоза на месте не оказалось, но вместо него, в полумраке комнатухи на кровати сидел заключенный. Это был общий знакомый, земляк Соловьева по свободе – Николай Карпухин, тот самый дневальный, работающий у начальника колонии.

– Что, уже?! – изумился Волков.

– Раз такое дело, я подумал и рискнул позвонить.

– А если бы тебя прослушали? Сутками¹⁵ бы не отделался, точно менты в БУР загасили.

– Нее, ночью на телефонной станции никто не дежурит.

– А ты откуда знаешь? – удивился Волков.

– Цезарь, как-то ночью дежурил и по всему корпусу телефоны не работали, так он на весь коридор кричал, аж я услышал: – Профурсетки! Хоть бы кто-нибудь там дежурил ночами.

– Карпуха, не тяни резину, говори, что узнал? – нетерпеливо спросил Соловьев.

– Сереж, – произнес он тихо и скорбно, – все подтвердилось...

Соловьев подскочил с табурета и в ужасе прошептал:

– Что?! Это точно?

– Серега, точнее некуда. Полчаса назад, на воле наш человек созвонился со следяком, который ведет дело об убийстве твоих родителей... Прости... Я тебе соболезную... В общем, крепись, – и, потрепав его по-дружески по плечу, поднялся с кровати и вышел в коридор.

Сергей с обреченным видом сел на табурет. Тяжело вздохнул и стиснул челюсти. Между бровей пролегла глубокая морщина. Если Господь в такие моменты дает кому-то мужество и терпение, то Сергея, Он точно не обделил. Слез уже не было, только горечь. Чувство безысходности заполнило душу, не давая разуму сосредоточиться и принять правильное решение.

– Пойдем в другую каптерку, а то завхозу спать нужно, – предложил Владимир.

Волков познакомился с Соловьевым шесть лет назад в Новосибирском центре в транзитной камере, когда они ожидали разнарядку из управления об отправке в конечный пункт отбывания наказания. Сергея в ту пору осудили повторно, за драку в лагере усиленного режима, когда ссора с активистами быстро перешла в выяснение отношений кардинальным

¹⁴ Верочка – наверняка

¹⁵ Сутки – срок наказания в изоляторе

способом. За нанесение увечий активисту, он получил солидный довесок к своему основному сроку – четыре года. В конечном результате суд сменил ему усиленный режим на строгий и сровнял срок до десяти лет.

В транзитной камере тогда собралось человек сорок, среди которых выделялась группа смуглых на вид эзков. Это были «Азиаты», оказавшиеся «крытниками», осужденными на тюремный режим. Их везли этапом из Джамбула в Тобольск в составе семи человек. Особенно среди них выделялись двое: первый – лет пятидесяти, в своей компании он был уважаемым и почитаемым. Второй помоложе, дерзкий и нагловатый по природе. Он не выпускал из рук колоду карт, непрерывно тасуя ее, тем самым показывал, что не прочь перекинуться с кем-нибудь в партию.

Волков подсел к нему и предложил сыграть в «Рамс», но эта игра азиату не подходила, тогда они остановились на «Тэрсе». Волков посмотрел по сторонам и, увидев острый и сметливый взгляд Сереги, спросил:

– Сечешь в тэрс? – Сергей утвердительно кивнул и ответил:

– Бывало, приглашали понаблюдать.

– Ну, значит, садись в круг, – предложил Волков.

Со стороны азиатов тоже сел наблюдатель как раз напротив Сергея.

Игра началась. Волков был игроком опытным, прожженным в этом деле, запоминал все комбинации и отдельные карты, уходящие в отбой, и соответственно другие, оставшиеся на руках. В банке лежали уже больше пятидесяти рублей, а в то время это была приличная сумма, на которую можно было купить в тюрьме пять плит спрессованного чая. В процессе игры Волков стал замечать, что фортуна, как бы ни на его стороне, зато соперник получает крупные очки. Но здесь Джамбульский игрок недооценил сибиряка, видимо, играя своей колодой карт, решил смухлевать, но просчитался. Волков обнаружил подвох и остановил игру. Разложив свои карты рубашками¹⁶ вверх, строго заметил:

– Вот эту, – он указал пальцем на карту, – и эти две тоже, видишь, по углам коцки стоят. О других я уже молчу. Тормозим игру и продолжаем с новым стосом¹⁷.

Джамбульский игрок забормотал на своем языке, объясняя что-то корешам.

– Ты давай по-русски шпрехай. Забыл, что уговор был в начале игры: «базар ведем по-нашенски», – напомнил ему Волков. Он повернул голову к угловой шконке и громко спросил:

– Саня, Музыкант, у тебя новый стос есть?

Из-за шторы показалась седовласая голова арестанта. Музыкант ударил ладонью по верхней шконке и распорядился чтобы его друг – Паша Шоколадный, достал новую колоду карт.

Игра продолжилась. Волкову выпадал «шестерик». Набиралось пятьсот тридцать очков, и по его стопроцентной уверенности последняя карта одной масти должна решить судьбу всей партии. Волков заострил внимание на предстоящем открытии последней карты... Соловьев предвидел полную победу своего знакомого и тоже, ожидая выхода этой карты, настоужился... Внимательно посмотрел Джамбульскому игроку в глаза. Тот повел себя странно: заводил бровями, скривил губы и немного нервничая, открыл карту. Сергей опешил и, глядя на удивленного Волкова, во всеуслышание заявил о мухлеже. Вот ловкач! Джамбульский игрок успел подменить карту и сбросить ее в отбой, но никто из наблюдающих за игрой, этого не заметил.

Волков сразу накрыл карты и, проверив, нашел ту, что ожидал увидеть при раздаче.

– Булку во мне сдобную увидел, облапошить захотел. Так вот, чертила, насколько ты умный, настолько я тупой. Выигрыш мой! – И открыто объявил соперника – мухлевщиком.

¹⁶ Рубашка – тыльная сторона карты

¹⁷ Стос – колода карт

Сергей поддержал его и по правилам игры потребовал с Джамбульского игрока немедленный расчет.

И тут началось такое: азиаты раскричались – «гыр-гыр», глаза горят, пальцы гнут и, собравшись всей компанией, обрушились с обвинениями на Волкова. Один азиат протянул руку к лицу Владимира, пытаясь схватить его за щеки, а другие тем временем хватали его за руки, чтобы не сопротивлялся. Чем бы все закончилось, одному богу известно... В следующий момент Соловьев достал из кармана куртки заточенный супинатор¹⁸

¹⁸ Супинатор – Металлическая упругая пластина извлеченная из подошвы ботинка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.